

Спасский А. А. [Общедоступные лекции по истории западноевропейского средневековья:] Эпоха великого переселения народов и ее ближайшие результаты // Богословский вестник 1910. Т. 2. № 5. С. 78–98 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Эпоха великаго переселіа народовъ и ея ближайшіе результаты.

(Окончаніе).

3. Значеніе эпохи переселенія: а) образованіе новыхъ государствъ и новыхъ общественныхъ союзовъ; б) передача римскаго наслѣдіа варварамъ и средства, при помощи которыхъ она производилась; в) важная роль западнаго духовенства въ ходѣ переселенія народовъ и образованіи новыхъ общественныхъ союзовъ.

III. Великое историческое значеніе эпохи переселенія состояло въ томъ, что она довершила паденіе западной римской имперіи и центръ исторической жизни перенесла изъ Рима къ варварскимъ племенамъ, принимавшимъ въ ней доселѣ косвенное, стороннее участіе. До эпохи переселенія на долю германскихъ народовъ выпадала въ исторіи лишь отрицательная роль—содѣйствовать начавшемуся распаденію древней общественной и государственной жизни, сосредоточившейся въ римской имперіи и такимъ образомъ расчистить поле для новыхъ политическихъ образованій. Современникамъ паденія имперіи, имѣвшимъ возможность наблюдать только эту сторону варварской силы, нерѣдко казалось, что вмѣстѣ съ Римомъ гибнуть, подъ напоромъ ея, всѣ плоды, достигнутые древней цивилизаціей, и что изъ беспорядочнаго варварства ничего не можетъ выйти, кромѣ хаоса. Между тѣмъ, послѣ паденія имперіи изъ хаотическаго варварскаго броженія появились стройныя общественныя формы, не имѣвшія никакого подобія въ древнемъ мірѣ. Значить, въ варварствѣ, напавшемъ на имперію въ V-мъ вѣкѣ, было нѣчто своеобразное, обладавшее могучей

созидательной силой. Ставши послѣ эпохи переселенія распорядителями на исторической сценѣ, германцы и обнаружили свойственныя имъ созидательныя способности, образовавъ новыя политическія учрежденія и по своему направивъ ходъ дальнѣйшей исторіи Запада.

Этотъ глубокой переворотъ, вызванный переселенческими движеніями V-го вѣка, — слѣдствія котораго еще продолжаютъ существовать и понынѣ, въ лицѣ современныхъ западно-европейскихъ народовъ и государствъ, — ближайшимъ образомъ отразился на политическомъ строѣ Европы. Если взглянуть на карту Запада въ томъ ея видѣ, какой она имѣла къ концу IV-го вѣка, то-есть, къ началу эпохи переселенія, то мы увидѣли бы все пространство Европы занятымъ одною обширною римскою имперіей, — имперіей, уже разлагавшейся во всѣхъ своихъ частяхъ, но еще имѣвшей право отождествлять себя съ понятіемъ вселенной; въ это римскаго міра тогда стояла только покрытая болотами и лѣсами зарѣйская область, которую римскіе географы не всегда считали возможнымъ причислять къ населеннымъ странамъ. Къ концу уже пятого вѣка, когда великое движеніе народовъ мало по-малу пріутихло и различныя германскія племена засѣли на пріобрѣтенныхъ ими земляхъ, мы напрасно стали бы искать на западѣ такого клочка земли, гдѣ сохранялась бы еще дѣйствительная власть Рима и римскаго императора. Все то, что принадлежало римской имперіи и входило въ ея предѣлы, сдѣлалась теперь добычей варваровъ, образовавшихъ изъ себя цѣлый рядъ новыхъ государствъ и новыхъ общественныхъ союзовъ. Большую сѣверную часть Галліи заняли Франки, ставшіе передовымъ народомъ новой Европы; къ югу отъ нихъ, вплоть до Аппенинъ, помѣстились бургунды; на востокъ отъ франковъ и бургундовъ шли племена саксовъ, аллемановъ, тюринговъ и еще далѣе геруловъ и сарматовъ. Испаніей и африканскими провинціями овладѣли вестготы и вандалы, а Италія, — эта коренная провинція вѣчнаго города образовала изъ себя королевство остготовъ. Так. обр. многовѣковая борьба Рима съ германскими племенами закончилась въ эпоху переселенія полнымъ торжествомъ для послѣднихъ.

Поселившись на развалинахъ разрушенной имъ имперіи, гер-

манскія племена привнесли съ собой совершенно иные задатки общественной и государственной жизни, чѣмъ тѣ, какими жила римская имперія. Какъ ни первобытна, какъ ни мало-сложна была жизнь германцевъ до перехода ихъ въ предѣлы имперіи, все-таки они успѣли выработать опредѣленныя формы быта, своеобразныя привычки и племенные склонности. Этотъ прежній варварскій бытъ со всѣми его особенностями и былъ перенесенъ теперь на территорию римской имперіи, разлился по всему Западу, и Европа вновь погрузилась въ варварство. Но это варварство, открывающее собой исторію новыхъ народовъ Европы, нужно понимать въ условномъ и относительномъ смыслѣ; это варварство носило существенно иной характеръ, чѣмъ то, изъ котораго вышли греки и римляне. Дѣло въ томъ, что пришедши въ имперію, германскія племена нашли здѣсь цѣлый строй общественныхъ и государственныхъ учреждений, цѣлый кругъ выработанныхъ идей и понятій, давно уже проникшихъ въ жизнь. Бѣдные культурой, они на почвѣ римскихъ провинцій неожиданно и незамѣтно для себя оказались обладателями великаго духовнаго наслѣдства, оставшагося отъ двѣнадцативѣковой исторіи Рима. Можно, поэтому, сказать, что уже при самомъ вступленіи въ собственно-историческую жизнь германскія племена измѣняли своему варварству, теряли часть своей самобытности и воспринимали въ себя новый римскій элементъ, становясь какъ бы продолжателями дѣла, завѣщаннаго имъ древностью.

Какъ происходила эта передача римскаго наслѣдія варварамъ? какимъ образомъ римская культура сохранилась послѣ распадѣнія имперіи, создавшей ее, и сдѣлалась основаніемъ новаго порядка вещей?—этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ и полныхъ глубокаго значенія историческихъ вопросовъ. Отвѣта на него должно искать ни въ чемъ другомъ, какъ только въ характерныхъ чертахъ эпохи переселенія,—этой эпохи, когда рѣшительно, лицомъ къ лицу встрѣтились между собой міръ римскій и варварскій. Множество обстоятельствъ, сопровождавшихъ эту эпоху, способствовали тому, чтобы духовная жизнь Рима не осталась бесплодной. Сюда принадлежитъ прежде всего то чарующіе вліяніе, какое оказывала греко-римская цивилизація на германскихъ варваровъ; для полудикаго

германца римскій міръ всегда казался чѣмъ-то чудеснымъ, необычнымъ, невольно внушающимъ уваженіе къ себѣ. Есть одинъ разсказъ, относящійся къ эпохѣ еще Тиверія, то-есть, къ эпохѣ перваго ознакомленія германцевъ съ Римомъ, который прекрасно характеризуетъ намъ то обаятельное впечатлѣніе, какое производило на варваровъ зрѣлище римлянъ. Когда Тиверій въ походѣ на германцевъ приблизился къ Эльбѣ, одинъ старый варваръ переправился черезъ рѣку въ челнокѣ и требовалъ, чтобы ему позволили видѣть римскаго полководца. Онъ былъ допущенъ къ Тиверію; долго вольный германецъ смотрѣлъ на римскаго императора и, наконецъ, коснувшись его руки, вскричалъ въ восторгѣ: „теперь я умру спокойно: сегодня я видѣлъ боговъ“. Впослѣдствіи, когда политическая беспомощность Рима стала очевидной, за нимъ все-таки оставалось огромное умственное и культурное превосходство, подчинявшее себѣ варваровъ. Переходя на римскую почву, германскій завоеватель вступалъ въ какой-то новый, невѣдомый ему міръ, о которомъ прежде онъ слышалъ лишь темныя, фантастическія разсказы. Невольный страхъ вселялся въ душу варвара, ему измѣняла даже прежняя вѣра въ свою богатырскую силу, и долго простодушный варваръ не могъ понять, что онъ полный хозяинъ въ этомъ мірѣ... Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ собой Атанарихъ, вождь готовъ; Атанарихъ былъ воспитанъ въ ненависти къ Риму и всему римскому; онъ далъ клятву отцу, что его нога никогда не коснется римской земли; но вынужденный обстоятельствами прибыть въ Константинополь, онъ такъ былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ, что счелъ нужнымъ оставить своимъ подданнымъ такого рода завѣтъ: „Императоръ,—говорилъ онъ,—безъ сомнѣнья есть богъ на землѣ и кто подниметъ противъ него руку, тотъ своею кровью омоетъ преступленіе“. Вопреки всѣмъ своимъ прежнимъ желаніямъ Атанарихъ сталъ поклонникомъ греко-римской культуры.

Это невольное уваженіе къ основамъ греко-римскаго міра, питаемое варварами, объясняетъ намъ одну характерную и на первый взглядъ, пожалуй, странную черту эпохи переселенія, состоящую въ томъ, что варвары, нападавшіе на имперію въ V-мъ вѣкѣ, вовсе не думали о ея разрушеніи,

не поставляли своею цѣлюю ея завоеваніе. Чѣмъ глубже и всестороннѣе изучается эпоха переселенія, тѣмъ прочнѣе и прочнѣе становится тотъ выводъ, что римская имперія пала не вслѣдствіи завоеванія, какъ это принято думать, а вслѣдствіе постепеннаго заселенія ея провинцій варварами. Грабежи, пожары, убійства, походы и прочее, которыми наполнена эта эпоха,—это все были лишь неизбѣжные спутники всякихъ великихъ массовыхъ движеній, въ данномъ случаѣ отнюдь не выражающія внутренней сущности явленія. Можно привести безчисленный рядъ доказательствъ въ пользу того, что общимъ желаніемъ варваровъ, двигавшихся въ предѣлы имперіи, было—не разнести ее по частямъ, а получить себѣ въ ней мѣсто. Извѣстно, что всѣ германскія племена прежде, чѣмъ получали позволеніе на окончательное поселеніе въ областяхъ имперіи, обязывались свято чтить величіе римскаго народа. Вступая врагами на римскую почву, они оставались въ ней не иначе, какъ союзниками и защитниками имперіи, выговаривая себѣ въ качествѣ вознагражденія формальную уступку захваченныхъ ими земель. Даже вандалы,—самый свирѣпый и дерзкій изъ германскихъ народовъ,—до тѣхъ поръ не сочли себя полными владѣтелями Африки, пока не обезпечили себя особыми договорами съ римскимъ императоромъ. Мало того,—самъ Аттила, мечтавшій о разрушеніи имперіи и основаніи на ея развалинахъ новаго царства, не иначе выступилъ въ походъ на Галлію, какъ подыскавъ законный предлогъ и объявивъ себя за римскаго полководца, идущаго наказать непокорныя Риму племена. И дѣйствительно, пока существовалъ въ Римѣ императоръ, земли, захваченныя германцами, не отдѣлялись формально отъ имперіи, и германцы считались не завоевателями, а воинами римскаго правительства, занявшими отведенныя имъ участки для защиты имперіи отъ враговъ. Императоръ Валентиніанъ,—собирая силы на борьбу съ гуннами,—прямо называетъ вестготовъ „членами имперіи“,—тѣхъ самыхъ вестготовъ, которые подъ предводительствомъ Алариха разграбили Римъ, опустошили Италію и насильно заняли южную Галлію. По разсказу Орозія, короли алановъ, и севововъ, перешедшіе въ области имперіи, также отдавали себя подъ покровительство Рима: „они говорили императору: храни миръ со всѣми, бери отъ насъ

заложниковъ и оставайся побѣдителемъ“. Знакомясь съ римской имперіей, лучшіе люди германскаго племени какъ бы инстинктивно понимали недостаточность одной физической силы и невольно старались направить ее не на разрушеніе, а на поддержаніе стараго порядка. Тотъ же Орозій пишетъ объ Атаульфѣ, королѣ вестготовъ, слѣдующее: „въ началѣ ожесточенный врагъ имперіи и римскаго имени, Атаульфъ ничего не желалъ такъ страстно, какъ уничтоженія ея и возвышенія господства и славы готовъ. Но убѣдясь многочисленными опытами, что готы были еще слишкомъ варвары для того, чтобы повиноваться законамъ, и зная, что безъ законовъ нѣтъ государства, онъ ограничился меньшею славою, употребивъ силы готовъ на возстановленіе могущества римлянъ: онъ рѣшился сдѣлаться возстановителемъ древней имперіи, не имѣя возможности быть основателемъ новой“. Когда западная имперія пала и прекратился рядъ лицъ, преемственно носившихъ титулъ императора, варварскіе правители стараются поддержать не имперію, которой уже не было, а строй государственнаго механизма, сохранившейся и послѣ паденія Рима. Занимая земли имперіи, варвары находили въ нихъ извѣстныя формы общестственности; они не въ силахъ были устранить ихъ, потому что они были выше и лучше тѣхъ, какія имѣли варвары: а поэтому и задачею ихъ было—не создавать новыя формы, а примѣниться къ старымъ, усвоить ихъ себѣ. Павшій Римъ оставался так. обр. живымъ идеаломъ, которому стремились подражать варвары на первыхъ шагахъ своей государственной жизни. „Наше королевство,—писалъ Кассіодоръ, первый совѣтникъ Теодориха Остготскаго, къ византійскому императору Анастасію,—наше королевство есть подражаніе вашего; что перенимаемъ мы у васъ, тѣмъ и превосходимъ другіе народы“.

Своихъ ближайшихъ помощниковъ въ дѣлѣ усвоенія римскаго наслѣдія и естественныхъ проводниковъ его варвары нашли въ старомъ римскомъ населеніи завоеванныхъ ими провинцій. Какъ бы мы ни представляли себѣ эпоху переселенія, какими бы опустошеніями она не сопровождалась на самомъ дѣлѣ,—во всякомъ случаѣ нельзя думать, чтобы варварскими нашествіями уничтожено было все коренное населеніе имперіи. Всмотриваясь въ ходъ германскихъ втор-

женій въ римскія владѣнія, не трудно замѣтить, что цѣлю разрушительныхъ набѣговъ служили главнымъ образомъ города, привлекавшіе своимъ богатствомъ варварскіе аппетиты. Конечно въ эту бурную эпоху и сельскіе жители не могли оставаться покойными, тѣмъ не менѣе буря варварскихъ нашествій въ общемъ проносилась мимо ихъ, захватывая только одну ихъ поверхность. При слухѣ о приближеніи варваровъ населеніе селъ и деревень скоро и легко укрывалось; часто также поступали и обитатели городовъ; дорогой цѣной расплачивались только тѣ, которые не имѣли возможности убѣжать или были слишкомъ самонадѣянны, чтобы искать спасенія въ бѣгствѣ. Когда народныя броженія улеглись и стало возобновляться обычное, мирное теченіе жизни, вся масса разбѣжавшагося римскаго населенія возвратилась на свои прежнія мѣста и вошла въ составъ вновь образовавшихся варварскихъ государствъ. Варвары охотно принимали старое населеніе; не привыкшіе къ осѣдлому земледѣльческому хозяйству, они чувствовали необходимость въ рабочей силѣ и заботились о томъ, чтобы привлечь и удержать ее въ прежнихъ предѣлахъ. Понятно, что разсѣявшееся среди варваровъ населеніе удержало свои старыя римскія привычки и понятія и воспитывающимъ образомъ дѣйствовало на окружающую ихъ варварскую обстановку. Вожди германскихъ племенъ, увидѣвши теперь подъ своимъ управленіемъ слишкомъ разнородный составъ подданныхъ, нерѣдко сами обращались за совѣтами къ представителямъ покореннаго народа, а эти новые совѣтники, изъ личныхъ-ли расчетовъ или изъ болѣе благородныхъ побужденій, старались внушить германскимъ конунгамъ *римскія* понятія о власти и государственныхъ порядкахъ, и какъ ни медленно совершалось это преобразование варваровъ, все таки возможно почти шагъ за шагомъ прослѣдить переходъ отъ понятій и быта, перенесенныхъ изъ лѣсовъ Германіи, къ начаткамъ государственной жизни. Этой постепенной романизации варварства содѣйствовала весьма много одна особенность ихъ юридическаго быта,—особенность, которая могла возникнуть только въ то переходное время и которая не имѣетъ ни малѣйшей аналогіи въ жизни новѣйшихъ государствъ. Это особенность состояла въ *личномъ* характерѣ права. Въ настоящее время извѣстный, опредѣленный за-

конъ дѣйствуетъ обязательно на всѣхъ лицъ, живущихъ въ данныхъ предѣлахъ; границы внѣшняго дѣйствія закона совпадаютъ съ границами государства, за предѣлами котораго законъ не имѣетъ приложенія. Не такъ было у варваровъ: у нихъ законъ прикрѣплялся не къ территоріи, а къ лицу и опредѣлялся или племеннымъ происхожденіемъ этого лица или его свободнымъ выборомъ. Иначе говоря: въ варварскихъ государствахъ германцевъ каждый судился по своему собственному закону: римлянинъ, гдѣ бы онъ ни былъ,—въ государствѣ-ли франковъ, въ остготской-ли Италіи, или у вестготовъ въ Испаніи,—вездѣ онъ подчинялся римскому праву и сообразно съ римскими постановленіями привлекался къ отвѣтственности; франкъ же напротивъ зналъ только свое франкское право и его считалъ обязательнымъ для себя. Этимъ и объясняется то удивительное явленіе, засвидѣтельствованное однимъ древнимъ писателемъ, что въ то время можно было видѣть бесѣдующими 4 или 5 чело-вѣкъ, изъ которыхъ каждый жилъ подъ своимъ закономъ и судился на основаніи его. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что такая форма юридическаго быта въ дѣйствительности вызвала невообразимую путаницу, но въ данномъ случаѣ важно то обстоятельство, что римское право не исчезло съ паденіемъ имперіи, что оно не осталось мертвымъ капиталомъ, а продолжало жить и дѣйствовать среди варваровъ. Превосходство и выработанность этого права въ сравненіи съ неписанными варварскими законами неизбѣжно вели къ расширенію его области и воздѣйствію на варваровъ. Вотъ почему уже въ древнѣйшихъ памятникахъ варварскаго законодательства можно подмѣтить явные слѣды начавшагося преобладанія римскихъ юридическихъ понятій, составляющихъ и до нашихъ дней основу юридическаго быта европейскихъ государствъ.

Такимъ образомъ, способы, при помощи которыхъ римская культура передавалась новымъ варварскимъ народамъ, были очень разнообразны и многосторонни, но, быть можетъ, всѣ они оказались бы недостаточными для того, чтобы охранить римское наслѣдіе позднѣйшимъ поколѣніямъ, если бы въ смутную эпоху переселенія народовъ задачу посредствовать между древнимъ и новымъ міромъ не взяла на себя христіанская церковь Запада. Сосредоточивъ въ себѣ всѣ луч-

шіе элементы греко-римской цивилизаціи и воспитавши варварскіе народы для воспріятія этихъ элементовъ, христіанская церковь на ряду съ наслѣдіемъ классической древности и варварствомъ явилась третьимъ великимъ факторомъ, создавшимъ ново-европейскій міръ. Мы не поняли бы совершившаго въ эпоху переселенія переворота, не поняли бы и смысла всей дальнѣйшей исторіи, если бы не остановились нѣсколько подольше на историческомъ значеніи христіанства въ этотъ переходный періодъ.

Извѣстно, что христіане, ученіе которыхъ было отрицаніемъ античнаго міра, первоначально чуждались всего окружающаго ихъ. Даже въ то время, когда сами императоры сдѣлались христіанами, христіанское общество въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, не всегда отрѣшалось отъ непріязннаго взгляда на ихъ власть. Въ высшей степени интересныя въ этомъ отношеніи мысли высказываетъ блаж. Августинъ: „Отстранивъ понятіе о правдѣ,—пишетъ онъ,— что такое будутъ царства, если не разбойничьи шайки въ огромныхъ размѣрахъ, ибо что иное разбойничья шайка, какъ не царство въ маломъ видѣ? И тамъ собраніе людей, повинующихся единой власти, и тамъ въ основѣ лежитъ договоръ, и тамъ по извѣстнымъ законамъ дѣлится добыча. Если на бѣду эта шайка разрастется въ большіе размѣры, займетъ извѣстную область, получить осѣдность, овладѣетъ городами и подчинитъ народы, то она открыто присвоитъ себѣ имя царства,—имя, которое, очевидно, достается ей не вслѣдствіе отреченія отъ любостыжанія, а вслѣдствіе пріобрѣтенія безнаказанности. Остроумно и вѣрно отвѣтилъ Александру Македонскому одинъ взятый въ плѣнъ морской разбойникъ. По какому праву, спросилъ его царь, смѣешь ты грабить на морѣ? По тому же, — смѣло отвѣтилъ разбойникъ,—по какому ты опустошаешь земли. Меня зовутъ разбойникомъ, потому что у меня ничтожный корабликъ, тебя зовутъ завоевателемъ, ибо ты имѣешь огромный флотъ“. Блаж. Августинъ хочетъ сказать, что царства земныя имѣютъ право на существованіе только въ такомъ случаѣ, если они основываются не на любостыжаніи, не на подчиненіи слабыхъ сильными, а на христіанскихъ идеяхъ любви и справедливости. Въ началѣ христіане не только чуждались государственной жизни, они такъ разрывали всѣ связи съ обще-

ствомъ, что самыя простыя отношенія становились невозможными между ними и язычниками. Но съ IV-го вѣка это положеніе христіанъ въ римской имперіи совсѣмъ измѣняется: оно дѣлается господствующей религіей; самъ владыка имперіи исповѣдуетъ христіанство и предсѣдательствуетъ на соборахъ, куда сходятся представители христіанскихъ общинъ всего римскаго міра. Со времени Константина Великаго христіане уже не имѣли надобности скрывать свои собранія во мракѣ подземеліи, они пользуются свободой на всемъ протяженіи имперіи и распространяютъ свое ученіе далеко за ея предѣлы. Еще за долго до своего официального торжества, христіанство получило огромное вліяніе на общество, смягчая общественныя отношенія и измѣняя суровыя постановленія римскаго права. Послѣ Константина Великаго христіане уже не сторонились отъ участія въ общественной жизни и христіанскіе епископы получили важное значеніе въ строѣ римской администраціи. Въ городахъ имперіи епископы заняли одно изъ первыхъ мѣстъ, стали вліятельнѣйшими лицами въ городскомъ управленіи, и пользовались обширными правами и преимуществами, будучи въ то же время богаты и матеріальными средствами. Чѣмъ болѣе съ теченіемъ времени понижалось значеніе императорской власти, тѣмъ болѣе выросло значеніе представителей христіанскихъ общинъ. Каковы бы ни были притязанія императоровъ, ихъ власть не разъ принуждена была склонять голову предъ служителями алтаря, какъ это было напр. въ извѣстномъ столкновеніи св. Амвросія Медиоланскаго съ имп. Феодосіемъ Великимъ. Еще ранѣе Константина рушилось и отчужденіе церкви отъ языческой науки, которою христіанство овладѣло въ цѣляхъ лучшей борьбы съ язычествомъ. Въ аѳинскихъ школахъ IV-го вѣка, на ученическихъ скамьяхъ, встрѣтились величайшіе представители христіанской церкви того времени, какъ свв. Василиій Великій или Григорій Назіанзскій, рядомъ съ знаменитѣйшими и ревностнѣйшими поборниками угасавшаго язычества, цезаремъ Юліаномъ и софистомъ Ливаніемъ. Отношенія христіанскаго общества къ языческому, по этой сторонѣ, такъ измѣнились, что нельзя представить себѣ болѣе рѣзкой противоположности, какъ состояніе христіанской и языческой литературы послѣдняго времени имперіи. Всѣ лучшія силы ума и во-

ображенія того времени принадлежали уже христіанской церкви, и въ то время, какъ языческая литература отличалась безплодіемъ и безцвѣтностью, литература христіанская поражала богатствомъ содержанія и красотой внѣшняго изложенія.

Съ перваго взгляда можно было бы подумать, что христіанская церковь со времени Константина неразрывно связала судьбу свою съ судьбами имперіи. Что ея представители употребятъ всѣ силы на защиту имперіи и съ ужасомъ будутъ смотрѣть на варваровъ. На самомъ же дѣлѣ оказалось далеко не такъ. Христіанской мысли тѣхъ вѣковъ была не чужда идея о гибели имперіи, не влекущей, однако же, за собой гибели христіанства. Обрацикъ христіанскихъ взглядовъ на будущее римской имперіи даетъ намъ Лактанцій. Онъ пишетъ: „вся земля будетъ потрясена, повсюду будетъ свирѣпствовать война... и имя Рима, который теперь править вселенною, исчезнетъ съ лица земли. Имперія возвратится на Востокъ, Азія снова будетъ царствовать, и Западъ будетъ покоренъ“. Лактанцій жилъ въ концѣ III-го и началѣ IV-го вѣка, еще подъ властью языческихъ императоровъ и въ виду ожесточенныхъ гоненій, а потому и его мрачныя предсказанія о гибели имперіи отчасти понятны. Но и подъ властью христіанскихъ правителей, среди страшныхъ бѣдствій, постигавшихъ римскую имперію, христіане не думали приходить въ отчаяніе. „Рушится римскій міръ, однакоже голова наша не склоняется долу“—писалъ знаменитый отшельникъ Виѳлеема, блаж. Іеронимъ. Прислушиваясь къ голосамъ западнаго христіанскаго духовенства въ самыя страшныя минуты варварскихъ нашествій, мы не найдемъ въ нихъ ни ненависти къ варварамъ, ни глубокой печали о разрушающейся имперіи; мы найдемъ въ нихъ нѣчто совершенно обратное этому. Къ своему удивленію мы увидимъ, что если для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. для св. Павлина Ноланскаго, опустошеніе южной Италіи, гдѣ онъ жилъ, и самое взятіе Рима готами прошли незамѣченными, не возмутивъ яснаго спокойствія его души, то другіе, напротивъ, и при томъ большая часть какъ бы торопятъ варваровъ поскорѣе покончить съ имперіей и римскимъ міромъ, открыто признаютъ въ нихъ орудіе Провидѣнія и на ихъ торжество смотрятъ, какъ на залогъ дальнѣйшаго преуспѣянія человѣчества.

Лучшимъ выразителемъ этихъ господствовавшихъ въ мірѣ христіанскомъ взглядовъ на имперію и варваровъ былъ знаменитый епископъ Иппонскій, блаж. Августинъ; написанное въ 414 и 415-хъ годахъ т. е. въ самый разгаръ варварскихъ нашествій его сочиненіе „de civitate dei (т. е. о царствѣ Божіемъ) представляетъ собой не только замѣчательный памятникъ христіанской литературы V-го вѣка, оказавшій сильное вліяніе на послѣдующую средневѣковую письменность, но и глубоко-знаменательный историческій фактъ. Составленное на рубежѣ двухъ великихъ періодовъ, на которые распадается исторія человѣчества (древняго, до-христіанскаго и новаго—христіанскаго), это сочиненіе подводитъ итоги древней исторіи, дѣлаетъ оцѣнку ея результатовъ и объявляетъ наступленіе новаго міра, новой исторіи. Можно сказать, что въ этомъ сочиненіи Августина западная христіанская церковь какъ бы отрѣшаетъ римлянъ отъ исторіи, отвергаетъ ихъ имперію, поканчиваетъ съ ней счеты, и бразды правленія передаетъ варварамъ, которыхъ она ставитъ въ тѣсную связь съ христіанствомъ. Августинъ мрачно смотритъ на прошедшее римской имперіи и все будущее предоставляетъ новымъ варварскимъ пришельцамъ. Отвѣчая на обвиненія язычниковъ, видѣвшихъ въ грозныхъ варварскихъ нашествіяхъ наказаніе за оставленіе древняго культа и вину въ томъ возлагавшихъ на христіанъ, Августинъ пишетъ: „ваши предки сдѣлали войну ремесломъ и поработили сосѣдніе народы Востока; праздность, мотовство и обиліе рабовъ было слѣдствіемъ этого порабощенія; не мы наполнили Италію рабами, не мы поставили ихъ хуже животныхъ, не мы обременили ихъ непосильными трудами; — что же касается до насъ, то мы проповѣдуемъ иное ученіе: мы не налапали оковъ на жителей порабощенныхъ городовъ; не мы вынуждали собственниковъ покидать имущество и бѣжать къ варварамъ; не мы обезсилили легіоны, заставляя ихъ сражаться другъ противъ друга... Чтобы соединить различные народы въ одно цѣлое, нужно нѣчто большее, чѣмъ легіоны,—большее, чѣмъ мірскіе узы вообще; эти узы даетъ въ себѣ христіанство. Очистительный огонь варваровъ истребитъ язычество и сдѣлаетъ народы достойными царства Божія, проповѣдуемаго христіанскою церковью. Этому Божьему царству предстоитъ тысяще-

лѣтіе, и въ его обновленныхъ стѣнахъ не будетъ честолюбія, неправды и жажды славы; тамъ будетъ царствовать миръ и справедливость; тамъ настанетъ святая жизнь о Господѣ“. Вотъ основныя черты возвышеннаго историческаго созерцанія великаго христіанскаго мыслителя! И онѣ, эти черты,—вовсе не были только его личнымъ измышленіемъ, плодомъ его философскаго образованія и глубокаго христіанскаго чувства; онѣ выражали собой думы и надежды, господствовавшія въ лучшихъ умахъ того времени, волновавшія собой христіанскій міръ въ вѣкъ Августина. Нагляднымъ доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что взгляды, со всею силою развитые Августиномъ, повторялись и защищались въ рядѣ другихъ сочиненій V-го вѣка; таковъ былъ напр. литературный трудъ Проспера богослова изъ Аквитаніи, написавшаго книгу о призваніи народовъ; таково было и (уже отчасти извѣстное намъ) сочиненіе Сальвіана, пресвитера Марсельскаго „de gubernatione mundi“.

Итакъ, по возрѣніямъ западныхъ церковныхъ писателей, переживавшихъ эпоху варварскихъ нашествій и своими глазами наблюдавшихъ распаденіе древней цивилизаціи, Римъ съ его устарѣвшими, одряхлѣвшими учрежденіями, съ его пропитанными языческими преданіями порядками не имѣлъ больше мѣста въ исторіи. Его должны смѣнить собой варвары, новые народы; они—не только орудіе Божественной кары на старшій міръ; они—вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріаль для созиданія новаго міра, новаго „царства Божія“. Они не связаны вѣковымъ прошлымъ; у нихъ нѣтъ лежащаго назади золотого вѣка и они не обращаются къ нему съ сожалѣніями и исполненными грусти вздохами; они-то и являются тѣми новыми мѣхами, въ которые можетъ быть влито новое вино. Но отрѣшаясь отъ имперіи и обличая ея прошлое, христіанская церковь отнюдь не покидала старое общество, пріютившееся подъ ея покровомъ. Въ бѣдственную эпоху нашествія варварскихъ народовъ представители христіанской церкви взяли на себя трудное и многосложное дѣло—поддерживать распадающуюся общественную жизнь, примирить ее съ новыми пришельцами варварами и такимъ образомъ связать древнюю и новую исторію неразрывными узами. Это великое дѣло они выполнили

двоимъ путемъ: съ одной стороны, являясь ходатаями и защитниками за старое населеніе имперіи предъ варварскими завоевателями, съ другой, просвѣщая варваровъ, воздѣйствуя на нихъ нравственно и этимъ путемъ подготавливая ихъ къ болѣе лучшей, болѣе цивилизованной жизни. Обѣ эти стороны дѣятельности представителей христіанской церкви въ эпоху переселенія заслуживаютъ особеннаго вниманія съ нашей стороны.

„Въ положеніяхъ отчаянныхъ,—говоритъ одинъ историкъ,— нравственное чувство обществъ повреждается точно также, какъ и чувство отдѣльныхъ личностей. Какъ человѣкъ не можетъ вынести безпокойства и печали далѣе извѣстной мѣры безъ того, чтобы разсудокъ не начиналъ измѣнять ему, такъ и общества, будучи жертвой несчастій, которыхъ ни облегченія, ни конца они не видятъ, теряются и не находятъ болѣе точки опоры. Они становятся жертвою какого-то самозабвенія, дѣйствуютъ оцупью, наудачу, какъ бы въ совершенныхъ потемкахъ, утрачиваютъ ясное понятіе о томъ, что хорошо и что худо. Постоянный ужасъ, постоянная мысль о смерти, висящей надъ головою, способны довести человѣка до иступленія, при чемъ онъ уже теряетъ всякое самообладаніе, всякое чувство мѣры и даетъ полную свободу всѣмъ, самымъ худшимъ инстинктамъ своей природы. Съ отуманеннымъ разсудкомъ онъ судорожно стремится воспользоваться послѣдними минутами жизни, чтобы взять отъ нея все, что можно, чтобы испить всю чашу наслажденій.“ Въ такомъ именно отчаянномъ положеніи мы и застаемъ многіе города и провинціи имперіи въ эпоху варварскаго нашествія. Мы напрасно стали бы въ нихъ искать какое-либо сильное правительство, власть, умѣющую сдержать распадающуюся жизнь и сплотить около себя общество. При первомъ слухѣ о приближающейся въ лицѣ варваровъ опасности всѣ гражданскіе чиновники, вся римская администрація спѣшила покинуть опасную провинцію и бѣгствомъ спасалась въ болѣе центральныя мѣстности. Послѣдніе легіоны, сохранившіеся еще въ провинціяхъ, были предусмотрительно отозваны изъ нихъ для защиты Италіи. Населеніе оставлялось такимъ образомъ на произволь судьбы: безъ военной силы, безъ властей оно снова какъ будто возвращалось въ первобытное состояніе; всякая общественная жизнь, всякіе инте-

ресы, выходящiе за предѣлы минуты, исчезаютъ; на поверхности появляются низменные подонки общества, не сдерживаемые болѣе силой закона и стремящiеся воспользоваться благоприятнымъ случаемъ. Въ Кельнѣ, напр., граждане проводили время за веселыми пирушками въ то время, когда весь округъ былъ опустошенъ варварами и самые почтенные изъ нихъ не прежде покинули пирушку, какъ уже въ городъ со всѣхъ сторонъ ворвались враги. Еще удивительнѣе поступили граждане Трира: этотъ городъ уже нѣсколько разъ былъ разграбленъ варварами, жалкіе остатки его населенія погибали отъ голода и неизбѣжныхъ его спутниковъ,—заразительныхъ болѣзней; вездѣ валялись нагіе трупы, брошенные на съѣденіе звѣрей и птицъ,—и что-же? удѣлѣвшіе изъ лучшихъ и вліятельныхъ людей вмѣсто того, чтобы позаботиться о первой помощи городу, начали хлопотать о томъ, чтобы возстановить зрѣлища и игры въ циркѣ. А населеніе Кукулль, подъ вліяніемъ всеобщаго ужаса и отчаянія, отсеклось отъ христіанства, возвратилось въ язычество и даже начало приносить человѣческія жертвы, видя въ нихъ единственное средство смягчить свой суровый жребій. Вотъ въ эти-то критическія минуты, среди разрушенія и бѣдствій, напелся твердый голосъ, который одинъ только не потерялъ присутствія духа и одинъ нашелъ въ себѣ достаточную силу стать на стражѣ общественнаго порядка. Этотъ голосъ принадлежалъ представителямъ христіанской церкви, епископамъ и подвижникамъ. Просматривая событія этой многотрудной для европейскаго общества эпохи, легко набрать множество доказательствъ того, что вездѣ, гдѣ только видѣлась еще жизнь, гдѣ общество сохраняло еще нѣкоторый порядокъ, тамъ вездѣ непремѣнно на первомъ мѣстѣ стоитъ служитель христіанской церкви. Онъ замѣняетъ собой все, въ чемъ видѣлась надобность: онъ и судья, и правитель, и заступникъ, и ходатай и даже военачальникъ. Онъ одинъ остается на мѣстѣ съ бѣдствующимъ населеніемъ, когда все остальное разбѣгается въ разныя стороны. „Пусть наша твердость будетъ примѣромъ всей частвѣ,—говорилъ одинъ епископъ въ присутствіи собора, составившагося въ Испаніи во время варварскаго нашествія; мы должны за Христа перенести небольшую часть страданій, которыя Онъ претерпѣлъ за насъ“. „Я пойду,—гово-

рить другой,—утѣшать свою паству; я получилъ санъ епископа не для того, чтобы оставаться въ благоденствіи, но для того, чтобы трудиться“. Какія же послѣдствія имѣла эта готовность представителей христіанской церкви утѣшать паству и трудиться вмѣстѣ съ ней,—о томъ намъ лучше всего расскажетъ дѣятельность Северина, прозваннаго апостоломъ Норика. Северинъ, уроженецъ Италіи, явился въ Паннонію и Норикъ (нынѣшняя восточная Швейцарія и Баварія) въ то время, какъ орды варваровъ уже нѣсколько разъ побывали въ ней и, утвердившись по сосѣдству, постоянно напоминали о себѣ опустошительными набѣгами: римскія власти давно отсюда бѣжали, ихъ смѣнили шайки разбойниковъ, а доведенные голодомъ до крайности поселяне съ оружіемъ въ рукахъ напали на своихъ же соотечественниковъ. Северинъ взялъ на себя смѣлую задачу—вдохнуть жизнь въ это умиравшее общество, воскресить его; онъ началъ проповѣдью покаянія и силой убѣжденія сосредоточилъ въ своихъ рукахъ тѣ бразды государственнаго правленія, которыя никто держать былъ не въ силахъ. Въ сущности,—если смотрѣть на его дѣятельность съ внѣшней стороны, то, повидимому, онъ не сдѣлалъ ничего особеннаго, но его сила была въ томъ, что его голосъ собралъ около себя разбѣжавшееся населеніе, что подъ его воздѣйствіемъ возникли правильныя отношенія, устроился извѣстный порядокъ, и такимъ образомъ общественная жизнь воскресла. Такъ напр. въ большомъ торговомъ городѣ Фавіанѣ случился голодъ, и хотя хлѣба было достаточно, чтобы прокормиться до новыхъ запасовъ, но не оказывалось такого лица, котораго слушался бы народъ и которому онъ могъ бы довѣрить организацію городского продовольствія. Одни спѣшили получше скрыть свои запасы, другіе, пользуясь отсутствіемъ власти, грабили; при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ лучшие люди вспомнили о Северинѣ и рѣшились его позвать. Северинъ пришелъ на зовъ, и словомъ убѣжденія достигъ того, что весь имѣющійся въ городѣ хлѣбъ былъ снесенъ въ одно мѣсто и сталъ доступенъ для общаго пользованія. И Северинъ не только заботился о голодномъ населеніи одного города; онъ распространяетъ свою дѣятельность на всю провинцію и старается организовать правильную общественную жизнь, налагаетъ подати, издаетъ приказанія, даже

составляетъ планъ атаки на разбойниковъ,—и все это продолжается дѣлать не годъ и не два, а почти 30 лѣтъ.

Подобнымъ образомъ, и населеніе многихъ городовъ Галліи и Италіи своимъ спасеніемъ, цѣлостью и вообще тѣмъ, что оно смогло перенести эпоху варварскихъ нашествій, обязано было никому другому, какъ только своимъ епископамъ. Разумѣется, самоотверженная готовность епископовъ, раздѣлить съ паствой всѣ бѣдствія не всегда имѣла явные, благотворные результаты; епископъ Реймса, напр., Никазіи, своимъ примѣромъ воодушевлявшій горсть оставшихся въ городѣ храбрыхъ людей къ сопротивленію варварамъ, былъ убитъ ими въ церкви, но исторія знаетъ не мало и такихъ случаевъ, когда предусмотрительная распорядительность или ходатайство представителей христіанскаго общества останавливали разрушительный потокъ варварскаго нашествія или смягчало ихъ дикую суровость и т. об. охраняло прежнее населеніе. Такъ, Орлеанъ счумѣлъ отстоять себя отъ полчищъ Аттилы только благодаря заботамъ своего епископа Аніона. Узнавши о грозившей городу опасности, Аніонъ постарался заблаговременно заручиться солидною помощію; онъ поспѣшилъ на югъ Италіи, гдѣ въ то время находился военачальникъ Аэція, подробно описавъ ему военныя средства, какими располагаетъ городъ для своей защиты, увѣрилъ Аэція, что въ теченіи пяти недѣль Орлеанъ можетъ выдержать осаду, и всѣми мѣрами убѣждалъ его придти на помощь городу не позднѣе этого срока. Едва усилъ Аніонъ возвратиться въ Орлеанъ и принять необходимыя мѣры къ его защитѣ, какъ армія Аттилы окружила городъ, и началась упорная осада;—надѣясь на скорую помощь Аэція, населеніе Орлеана рѣшилось защищаться до послѣдняго дня: Аніонъ всталъ во главѣ ополченія, руководилъ обороной, торжественными процессіями и убѣжденіями поддерживалъ ихъ храбрость. Но силы осажденныхъ, наконецъ, истощаются; потерявъ надежду на спасеніе, они готовы были сдаться въ послѣдній день назначеннаго Аніономъ срока, но тутъ-то, когда варвары почти совсѣмъ овладѣли городомъ, показались передовые отряды Аэція,—и Орлеанъ былъ спасенъ.

Орлеанъ былъ большимъ, торговымъ городомъ, обнесеннымъ, стѣнами и обладавшимъ многочисленнымъ населе-

ниемъ; у него были поэтому средства къ тому, чтобы выдержать долгую осаду, чтобы оказать сопротивленіе варварамъ. Но и въ тѣхъ бѣдныхъ, заброшенныхъ городкахъ, которые лишены были всякихъ укрѣпленій, стѣнъ и оружія, которые оставлены были совсѣмъ на произволь судьбы,—и въ этихъ жалкихъ городкахъ предстоятели христіанской церкви умѣли дѣйствовать на пользу населенія съ неменьшими успѣхами, чѣмъ въ большихъ городахъ,—только дѣйствовали они здѣсь не оружіемъ, а словомъ убѣжденія. Таковъ былъ Лупъ, епископъ незначительнаго галльскаго города Троа. Не имѣя ни арміи, ни оружія онъ съ пастырскимъ посохомъ пошелъ самъ на встрѣчу суровому гуннскому завоевателю и умолялъ его пощадить не только свой городъ, но и селенія, принадлежащія къ его округу. Слово епископа оказало благое дѣйствіе на варвара. „Будь по твоему,—сказалъ Аттила; но только ты пойдешь со мной до самаго Рейна. Присутствіе такого святаго человѣка непременно принесетъ счастье мнѣ и моему оружію“ —Извѣстно, что и самый Римъ своимъ спасеніемъ отъ Аттилы не мало былъ обязанъ тому впечатлѣнію, какое произвелъ на варвара стоявшій во главѣ посольства св. Левъ, папа римскій. Не даромъ между гуннами ходили насмѣшки надъ Аттилой: не даромъ говорили, что онъ, не страшась никакихъ римскихъ ополченій, останавливается и робѣетъ предъ животными, разумѣя буквальный смыслъ именъ епископовъ Льва и Лупа! Суровый язычникъ—варваръ не могъ отрѣшиться отъ невольнаго чувства почтенія при видѣ этихъ вдохновенныхъ старцевъ, безбоязненно выступающихъ на встрѣчу опасности, ходатаями—печальниками за свою паству. И не отказывалъ варваръ этимъ ходатаямъ только потому, что никакъ не могъ преодолѣть своего личнаго, невольнаго почтенія къ нимъ. Вотъ что напр. сказалъ вестготскій король Эйрихъ епископу павійскому Епифанію, явившемуся къ нему въ качествѣ посла отъ западнаго римскаго императора Юлія Непота: „я исполню твою просьбу, уважаемый святитель, потому что въ моихъ глазахъ больше значить личность самого посла, чѣмъ вся власть пославшаго“.

Такимъ образомъ, опираясь на свой нравственный авторитетъ, на свое личное вліяніе, представители христіанской

церкви взяли подъ свое покровительство распадавшуюся въ эпоху варварскихъ нашествій общественную жизнь и сохранили ее для послѣдующихъ поколѣній. Среди бѣдствій и ужасовъ, постигшихъ западную Европу въ эту эпоху, они одни остались твердо на своемъ мѣстѣ, собирали около себя лучшихъ людей, ободряли и спасали старое населеніе отъ окончательнаго одичанія и гибели. Если, послѣ эпохи переселенія, въ вновь образовавшихся варварскихъ государствахъ мы видимъ значительный остатокъ прежняго населенія, видимъ старыхъ подданныхъ имперіи, которые живутъ по римскимъ законамъ, слѣдуютъ прежнимъ порядкамъ и постепенно облагораживаютъ варваровъ, то этимъ своимъ сохраненіемъ оно обязано дѣятельности своихъ епископовъ. Но это только одна сторона дѣла. Не менѣе важное въ историческомъ полѣ зрѣнія является другая заслуга христіанской церкви, состоящая въ томъ, что она смягчила сердце варвара, просвѣтила его и помогла ему выполнить его историческое призваніе. Она знала, что для римской имперіи пробилъ уже послѣдній часъ, что на ея развалинахъ варваръ водворяется навсегда, устроая свои королевства, что будущность принадлежитъ отнынѣ этому варвару, который и призванъ для того, чтобы обновить обветшавшія формы человѣческаго общежитія и создать новый строй жизни. И она поставляетъ своей задачей содѣйствовать достиженію этой цѣли: она прежде всего обращаетъ варваровъ въ свое лоно, дѣлаетъ ихъ христіанами, затѣмъ, передаетъ имъ то умственное богатство, какое заключалось въ ея нѣдрахъ, и наконецъ, является помощницей и совѣтницей въ первыхъ, неопытныхъ шагахъ варваровъ въ незнакомой имъ области государственнаго и общественнаго устройства. Важное значеніе, какое получили предстоятели церкви въ послѣднія времена имперіи, подъ господствомъ варваровъ не только не уменьшилось, но даже возвысилось. Прикрытые звѣриными шкурами, варварскіе короли, бывшіе дотолѣ вождями дружины, исполнителями постановленій народнаго собранія, заняли теперь относительно покореннаго населенія положеніе римскаго императора и встали у сложной государственной машины, которую они вовсе не умѣли управлять. Ихъ естественными совѣтниками въ данномъ случаѣ могли оказаться

только такіе люди, какъ епископы, которымъ во всѣхъ подробностяхъ было извѣстно устройство этой машины, которые стояли во главѣ прежняго римскаго населенія. Варварскіе короли и дѣлають ихъ духовныхъ орудіями своего управленія: они постоянно обращаются за совѣтами и указаніями къ епископамъ, къ соборамъ духовенства по дѣламъ вовсе не церковнаго свойства, дѣлають ихъ судьями и свидѣтелями своихъ поступковъ, разбирателями своихъ споровъ и недоразумѣній. Весь ходъ событій неизбѣжно велъ къ тому, чтобы именно келья подвижника или епископа сдѣлалась первымъ училищемъ государственной мудрости; такова и была, напр., келья извѣстнаго намъ Северина, куда толпами собирались окрестные варвары, чтобы получить всевозможные совѣты, куда нерѣдко приходилъ и король Руговъ Флакцитей за указаніями и наставленіями. Современный лѣтописецъ замѣчаетъ, что Флакцитей настолько подчинился вліянію Северина, что какая бы забота съ нимъ не приключилась, какое бы затрудненіе не встрѣтилось ему въ дѣлахъ его варварскаго королевства, онъ прежде всего спѣшилъ за совѣтомъ къ Северину: своимъ сыновьямъ онъ постоянно твердилъ: „повинуйтесь Божьему человѣку, если вы хотите, по моему примѣру, царствовать въ мирѣ и жить долговременно“. Тоже самое мы видимъ и въ другихъ варварскихъ королевствахъ: вездѣ въ нихъ епископы стоятъ въ рядахъ главныхъ королевскихъ сановниковъ, защищаютъ интересы побѣжденнаго населенія и направляютъ жизнь варваровъ такъ, чтобы сдѣлать ихъ истинными наслѣдниками греко-римской цивилизаціи, но цивилизаціи уже смягченной духомъ христіанства. Являясь представителями началъ порядка и законности и пользуясь для проведенія ихъ своимъ высокимъ положеніемъ и привилегіями, духовенство въ то же время охранило для послѣдующихъ вѣковъ и то умственное богатство, какое нажито было классической древностью. Впослѣдствіи, когда вмѣстѣ съ нравственнымъ авторитетомъ у предстоятелей западнаго духовенства возросли и матеріальныя средства, они обратились въ могущественное сословіе, получившее важное политическое значеніе въ судьбахъ запада. „Что стало бы съ Европой послѣ вторженія варваровъ,—спрашиваетъ англійскій историкъ Ма-

колей,—если бы обломки древней цивилизаціи не нашли себѣ убѣжища въ церкви? Историки сравниваютъ переселеніи народовъ съ потопомъ; церковь была истиннымъ ковчегомъ, который одинъ, среди бурь и непроницаемой мглы, носился надъ бездною, готовою поглотить все, что древность произвела въ наукѣ и искусствѣ; церковь въ своемъ лонѣ сохранила то слабое зерно, плодомъ котораго явилась новѣйшая цивилизація, болѣе богатая и многосторонняя, чѣмъ цивилизація древняя“.

А. Спасскій.
